

От авторов бестселлеров «Жизнь в средневековом городе»,
«Жизнь в средневековом замке» и «Жизнь в средневековой деревне»

ДЖОЗЕФ ГИС и ФРЭНСИС ГИС

БРАК И СЕМЬЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Издательство Азбука

Фрэнсис Гис
Джозеф Гис
Брак и семья в Средние века
Серия «Города и люди»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74156931
Джозеф Гис, Фрэнсис Гис «Брак и семья в Средние века»: ООО
«Издательство АЗБУКА»; Санкт-Петербург; 2026
ISBN 978-5-389-33752-7*

Аннотация

Книга «Брак и семья в Средние века» продолжает серию классических научно-популярных бестселлеров о жизни в эпоху Средневековья от знаменитых исследователей и популяризаторов истории Джозефа и Фрэнсис Гис. Это увлекательный рассказ об эволюции семьи в средневековый период.

Многие века семья – основная общественная ячейка – имела исключительно важное значение. Помимо очевидных экономической, религиозной, социальной, образовательной значимости, вступление в семейный союз попросту было залогом выживания и благополучия как для мужчины, так и для женщины.

В своей книге авторы прослеживают развитие брачных традиций на протяжении эпохи Средневековья, отмечая, как римские и «варварские» культурные течения, сливаясь и преобразовываясь под влиянием Христианской церкви,

создавали новые концепции, обычаи, законы и практики; многие из них управляли жизнью семьи до самого недавнего времени, некоторые живы и по сей день.

Содержание

Благодарности	6
Часть первая. Истоки	7
Глава I. Историки открывают семью	7
Глава II. Истоки: римляне, германцы, христиане	30
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Джозеф Гис, Фрэнсис Гис

Брак и семья в Средние века

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Frances Gies and Joseph Gies

MARRIAGE AND THE FAMILY IN THE MIDDLE AGES

Copyright © 1987 by Frances Gies and Joseph Gies

Published by arrangement with Harper Perennial, an imprint
of HarperCollins Publishers

All rights reserved

© Е. Л. Бутенко, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

Памяти Тома

Благодарности

Эта книга была создана благодаря исследовательской работе, которая велась в Библиотеке имени Арлана Хэтчера Университета Мичигана.

Авторы еще раз выражают признательность профессору Дэвиду Херлихи из Университета Брауна за прочтение рукописи и ценные предложения.

Часть первая. Истоки

Глава I. Историки открывают семью

Ни один элемент социальной истории не является настолько всепроникающим, как семья – универсальная среда, в которой человеческие существа учатся есть, ходить и говорить, а также обретают чувство идентичности и усваивают модели поведения. Каждая известная нам культура, в прошлом или в настоящем, включала в себя институт семьи, необходимый для выживания общий знаменатель социума.

Современная семья, которая меняется вместе с тем, как мы пишем эту книгу, является продуктом человеческой истории, ее эволюций и революций. Некоторые события, оставившие на семье отпечаток, совершались относительно быстро и драматично, к примеру промышленная революция, воздействие которой многократно изучалось и анализировалось. Другие происходили медленно и незаметно – таковы колоссальные изменения, которые принесло с собой продолжавшееся тысячу лет Средневековье. Последние привлекали меньшее внимание, однако в сумме они изменили семью значительно и бесповоротно.

При исследовании истории семьи проблема возникает сразу: это двойственность самого термина «семья». В со-

временном языке у него есть три значения: род или линия происхождения; кровные (биологические) родственники отдельно взятого человека, включая родителей, братьев и сестер, дедушек и бабушек, теток, дядьев, кузенов и кузин, живущих вместе или отдельно; и наконец, чаще всего это родитель или родители и дети, живущие вместе, – нуклеарная, брачная, или простая, семья, составляющая домохозяйство. Мы по привычке отождествляем брачную семью с домохозяйством, потому что в современном обществе они обычно совпадают, но не обязательно. Антропологи и историки сталкивались с трудностями, формулируя логичные определения того и другого, чтобы такие дефиниции включали в себя их многочисленные, возникшие со временем пермутации¹. Входят ли в домохозяйство не связанные родством люди, которые живут под одним кровом, или все родственники, живущие в одном имении, но в отдельных домах?

Слово «семья» в смысле совместно проживающего биологического объединения относительно ново. До XVIII столетия ни в одном европейском языке не было термина для обозначения группы, состоящей из матери, отца и детей. Значение родственного латинского *familia*, происходящего от общего индоевропейского слова со значением «дом», сохранялось со времен Римской империи все Средние века, вплоть до начала современности: люди, живущие в доме, включая слуг и рабов². Обычно *familia* была многочисленной, и большинство ее членов не связывало биологическое родство, как,

например, в *familia* короля, крупного землевладельца или епископа. В прошлом кровнородственные отношения играли важную роль в обществе и имели гораздо большее значение, чем теперь, но семейные связи были не такими четкими. Объединение родственников по крови не существовало изолированно, как в наши дни, поэтому для него не требовалось отдельного названия.

Ни историки, ни антропологи не придумали общего термина для семьи вне пределов супружеского союза. Термин «расширенная семья», иногда используемый некорректно, в узком смысле относится к домохозяйству, то есть к связанным родством людям, живущим под одной крышей, включая братьев, овдовевших родителей, племянников и племянниц или других родственников за пределами отношений родители – дети. Для более широкой семейной группы, состоящей из различных родственников, не живущих вместе, общего термина не существует, хотя антропологи предложили особые названия для некоторых форм таких объединений. Большую семейную группу – крайне важную единицу в доиндустриальном обществе – можно назвать сверхсемьей.

Изучение семьи и родства инициировали чуть больше века назад три выдающихся антрополога-любителя: англичанин Дж. Ф. Макклинан и сэр Генри Мэн, а также американец Льюис Генри Морган. За ними последовали социологи, одним из первых стал француз Фредерик Ле Пле, инженер по профессии и тоже любитель. В 1871 году Ле Пле опублико-

вал исследование европейской семьи недавнего прошлого, в котором превозносил «родовую семью», где вместе жили три поколения: родители, старший сын и его семья, а также младшие неженатые братья и сестры. Стабильность, мораль, непререкаемый авторитет отца, ответственность, жертвование личными интересами ради благополучия группы – этим, по мнению Ле Пле, «традиционная» семья, которую он идеализировал, отличалась от маленькой постиндустриальной, состоящей из одних родителей и детей. Последнюю он характеризовал как нестабильную и эгоистично индивидуалистическую. Обвинял в том, что в ней безличные отношения с внешним окружением подменяют сердечные родственные чувства, а сексуальное удовлетворение – самопожертвование (выражавшееся в позднем вступлении в брак или безбрачии) ради интересов семьи³. Консервативно настроенный реформатор общества, Ле Пле для общественного блага, поддержания морали и семьи рекомендовал вернуться к старым обычаям. Большая часть исследований в последующие годы сосредоточивалась на том, чтобы подправить созданную Ле Пле картину доиндустриальной семьи.

Примерно через сто лет после Ле Пле Филипп Арьес, еще один дилетант – французский «историк по воскресеньям» (*historien de dimanche*), как он сам называл себя, – вызвал среди исследователей и светской публики новый интерес к теме, выпустив книгу под названием «Столетия детства» с подзаголовком «Социальная история семейной жизни» (*L'Enfant*

et la Vie Familiale sous l'Ancien Régime, 1960). Основываясь на иконографических и литературных источниках, Арьес выдвинул тезис, что понятия «детство» как отдельной фазы жизни не существовало вплоть до XVI–XVII столетий, когда ребенок стал центром новой, близкородственной, нуклеарной семьи. Современную семью Арьес оценивал примерно так же, как и Ле Пле: то, что семья приобрела в частной жизни и сердечности отношений, оказалось менее весомо, нежели утраченное в плане «включенности в социум» и чувства общности. Но разошелся с Ле Пле, высказывая мнение, что нуклеарная семья усиливает зависимость и подчиненность, благодаря чему скорее обуздывает, чем поощряет индивидуализм, кроме того, он видел в индивидуализме желательное качество⁴.

Книга Арьеса дала толчок профессиональным историкам. За ней последовали три важных исследования, относящихся к семье. Все они касались доиндустриального периода, который предшествовал современности; два затрагивали только Англию, третье – Западную Европу, но все они в какой-то мере повторяли тезисы Арьеса. Речь идет о книгах Питера Ласлетта «Мир, который мы потеряли: Англия до эпохи индустриализации» (1965), Эдварда Шортера «Создание современной семьи» (1975) и Лоренса Стоуна «Семья, секс и брак в Англии 1500–1800 гг.» (1977). В начале 1970-х возглавляемая Ласлеттом группа по изучению населения и структуры общества в Кембриджском университете опубли-

ковала книгу «Дом и семья в прошлом», а также серию статей, в которых излагались результаты сравнительного исследования семьи и домохозяйства с XVI века до настоящего времени⁵. Продолжают выходить в свет и другие научные труды, рассматривающие эти вопросы в отношении разных народов⁶.

Таким образом, история семьи – это сравнительно новый раздел социальной истории. Внутри ее львиную долю внимания ученых сначала получил раннесовременный период (1500–1750 гг.). Однако с 1970-х годов несколько одаренных историков-медиевистов приступили к изучению семьи и связанных с ней тем в специфических регионах, разных социальных классах и в отдельные периоды времени. Один общий обзор рассматривает весь средневековый период: книга американского исследователя Дэвида Херлихи «Средневековое домохозяйство» (1985)⁷. В 1974 году после конференции в Париже под названием «Семья и родство на Средневековом Западе» (*Famille et parenté dans l'Occident médiéval*) были опубликованы статьи историков со всей Западной Европы, посвященные аристократической семье⁸. Жорж Дюби написал две книги о средневековом браке⁹. Несколько сочинений о женщинах в Средние века пролили значительный свет на вопросы семьи¹⁰. Позднесредневековая Италия стала темой демографических исследований, особенно Дэвида Херлихи и Кристианы Клапиш-Зубер¹¹; Дэвид Николас по-

святил свою работу семье в Генте XIV века¹²; Барбара Ханаволт написала книгу об английской крестьянской семье в позднем Средневековье¹³. Многочисленные научные статьи разбирали отдельные аспекты темы. Теперь нам известно о средневековой семье если и гораздо меньше, чем хотелось бы, то значительно больше, чем мы знали поколение назад.

Общие подходы к теме брака и семьи в Средние века ставят фундаментальные вопросы, которые могут быть кратко изложены под десятью довольно условными заголовками. Они дадут основные направления исследованию в этой книге.

1. Концепция. Каким было современное той эпохе восприятие семьи? Как ее рассматривали и определяли? Внешние силы, такие как экономическое давление и уровень смертности, могли задавать фактический размер и форму семьи, но «идеальный» ее образ, запечатленный в обычаях и наследственном праве, оказывал решающее влияние на отношения и взаимосвязи, равно как и на действия: кто вступал в брак и в каком возрасте, кто оставался дома, кто занимал главенствующее положение в семье.

2. Функция. Социологи определяют функцию современной семьи двояко: во-первых, «социализация» детей, во-вторых, удовлетворение сексуальных и эмоциональных потребностей взрослых. Однако в прошлом у семьи были другие, чрезвычайно важные задачи. Она действовала как защитная организация, политическое объединение, школа, судеб-

ная система, Церковь и производственное предприятие. С течением столетий семья последовательно уступала эти свои функции крупным внешним институтам современного общества – государству, Церкви и промышленности.

3. *Система родства*, к которой относится семья. Сегодня в западном обществе крупные семейные объединения – род, восходящий к общему предку, и сеть ныне здравствующих родственников – имеют ограниченное значение. В Средние века в Европе, как и в большинстве обществ прошлого, они были очень важны. Словарь терминов родства, позаимствованный историками у антропологов, пока еще не окончательно сформирован и не вполне удовлетворителен, но большая группа людей, которые заявляют о своем происхождении от общего предка, обычно называется кланом; более мелкая наследственная группа, предок которой на самом деле может быть определен, – родом. Сеть родственников отдельного человека именуется родней. Клан существует независимо от его членов, может владеть землями и обладать политической властью. Родня, напротив, не существует в качестве обособленной группы. Она проявляет себя и действует только в отношении конкретного индивида. Родня и клан (или род) могут сосуществовать, а в Средние века часто именно так и происходило.

Кланы и роды патрилинейны, если родословная прослеживается по мужской линии, и матрилинейны, если по женской. О родне говорят, что она «эгоцентрична», так как ее

состав различается для всех членов этой сети, кроме родных братьев и сестер. Родня, существующая в данном сообществе, формирует серию перекрывающих друг друга кругов. В разных ситуациях ее могут определять как билатеральную, или кровную, если в структуру включаются родственники и с отцовской, и с материнской стороны, либо как патрилатеральную (с отцовской стороны) или матрилилатеральную (с материнской).

В доиндустриальных обществах эти два вида родственных групп играли важную, часто определяющую роль в передаче собственности, выборе брачных партнеров, защите отдельных людей и семьи, спорах по правовым вопросам и во многих других аспектах повседневной жизни.

4. Размер и структура. Этой теме историки уделили значительную долю своего внимания, пытаясь выделить основные типы. Прежде считалось, что за период со Средних веков до настоящего времени семья подверглась «прогрессивной нуклеаризации», прошла прямой путь эволюции от клана к расширенной семье, а затем – к нуклеарной. Исследования последних лет рисуют немного иную картину.

В 1977 году Лоуренс Стоун выделил три исторических типа семьи: большая «открытая родственная семья», которая, по его мнению, имела наибольшее распространение в Средние века; более мелкая «урезанная патриархальная нуклеарная семья» (XVI–XVIII века); и «закрытая домашняя нуклеарная семья» современной эпохи¹⁴.

Кембриджская группа Питера Ласлетта пошла по другому пути, разделив домохозяйства раннесовременной эры на три категории: простая (нуклеарная, или кровная) семья, расширенная (объединение кровных родственников плюс овдовевшие родители, братья, сестры, племянники, племянницы или кузены и кузины) и множественная (две и более кровнородственные общности). Ласлетт обнаружил, что простейшей формой семьи, по крайней мере в период не ранее XVI столетия, была нуклеарная. Именно в таких семьях большинство людей проходили «социализацию» в детстве и такую же модель сами невольно воспроизводили, став взрослыми; то есть Ласлетт проследил во времени превалирование нуклеарной семьи как результат заученного поведения ее членов¹⁵.

Историк семьи Роберт Уитон отклонил типологию семей Ласлетта как чересчур статичную и количественную, отдав предпочтение классификации домохозяйств, предложенной сто лет назад Фредериком Ле Пле: нуклеарное, в котором дети покидают дом при вступлении в брак; родовое, когда дома остается один из вступивших в брак детей; и объединенное, в котором дома остаются несколько обзаведшихся супругами отпрысков. Эта классификация принимает во внимание цикл развития семьи, который подразумевает, что ее размер и структура меняются по мере того, как родители стареют, а дети подрастают и женятся или выходят замуж¹⁶.

Американский антрополог Мэрион Леви выдвинул про-

вокационную гипотезу. Распространенность брачной семьи (женатая пара или родители и дети) «во всех известных обществах в мировой истории» может быть не результатом социальной психологии, то есть заученного поведения, а связана исключительно с материальными факторами. Высокая смертность в преиндустриальном обществе делала невозможным появление любой альтернативы в виде более крупной семейной структуры. В переходных обществах с улучшенными санитарными условиями, медициной и технологиями фактически существующая структура семей может приближаться к идеалу, но одновременно создавать экономическое и психологическое напряжение, которое работает в противоположном направлении. Наконец, общества, обладающие современными технологиями, которые делают идеал большой семьи полностью достижимым, парадоксальным образом отказались от него в пользу нуклеарной семьи, которую возвели в идеал¹⁷.

5. *Экономические основы семьи.* В доиндустриальном мире семья являлась основной ячейкой производства в сельском хозяйстве, ремесле и торговле. На вершине древнего, средневекового и раннесовременного обществ находились владевшие землями аристократические семьи, которые осуществляли функции управления; контроль над семейной собственностью и ее использование были связаны со структурой домохозяйства и правилами наследования. В крестьянских семьях работы распределялись в соответствии

с возрастом и полом, а распоряжение имуществом и его передача, как у знати, происходили по установленным образцам. В городах семьи выполняли различные задачи, связанные с производством тканей (прядение, ткачество, отделка), выделкой кожи, изготовлением предметов из дерева и металла, различных ремесленных изделий, при этом муж и жена обычно выступали в качестве партнеров.

6. Брак. Процесс формирования семьи заметно менялся, и это легко понять и объяснить. Сегодня в развитых странах заключение брака непосредственно затрагивает только двух людей: жениха и невесту. Родительское согласие, хотя и желательно, не является обязательным. Церковь может играть роль в создании нового супружеского союза, а может и нет. Брак официально разрешает государство, оно же устанавливает правила владения собственностью и ее наследования. Частные соглашения о передаче имущества, такие как брачные контракты, являются исключениями даже среди состоятельных людей.

В прошлом ситуация была совершенно иной. Молодожены, судя по всему, являлись последним движущим элементом в процессе заключения брака, где свои роли играли, часто соревнуясь друг с другом, родители и другие родственники, Церковь и община (посредством местных обычаев и отношений). Важность самой брачной церемонии со временем менялась, как правило, на первый план выходило урегулирование вопросов собственности между двумя семьями и

даже затмевало собой свадебный ритуал.

В прошлом, как и в настоящем, брак почти всегда был экзогамным: юношу женили, девушку выдавали замуж, то есть выводили за пределы некоего установленного круга родственных отношений. Во многих обществах, которые изучали антропологи, – в Африке, Океании, у американских индейцев – экзогамия на самом деле предполагала выбор брачного партнера из определенной родственной группы или особой категории двоюродных братьев и сестер. В исторической Европе и Америке экзогамия была пассивной: просто устанавливался круг родственников, в брачные отношения с которыми вступать запрещалось.

Экзогамию зачастую путают с табуированием инцеста, но эти два принципа отличаются, хотя в чем-то и совпадают. Экзогамия относится только к браку, запрет на инцест – к сексуальным отношениям, будь то в браке или вне его. Экзогамия предписывает поиск супруга или супруги за пределами своей группы, в отличие от эндогамии, поощряющей брак внутри группы. Инцест означает сексуальный контакт с родственником, включенным в запретную категорию, – отцом или матерью, родным и двоюродным братом или сестрой, родственником по браку и другими. Экзогамия и эндогамия часто имеют разумные обоснования – например, необходимость союза между семьями и упорядоченного распределения брачных партнеров внутри сообщества. Запрету на инцест психологи, антропологи и социологи до сих пор не су-

мели дать действительно убедительное и принимаемое всеми объяснение¹⁸. (Современный аргумент, основанный на предположении о генетическом вреде таких отношений, если и верен, то не применим к более ранним обществам.)

Степень родства, в рамках которой брак разрешен, на протяжении истории была подвержена устойчивым колебаниям; так же менялось и понимание сущности родственных отношений. Теоретически родство приравнивается к связи по крови, однако многие представления о нем культурно детерминированы. Некоторые общества не считают внебрачных детей родными для семей своих родителей; другие держатся противоположного мнения. В одних культурах усыновление создает законное или искусственное родство. Другие типы некровного родства, духовного или ритуального, такие как узы, связывающие детей с крестными родителями или возникающие между давшими клятву членами братств, могут рассматриваться как родственные и тогда подвергаются такому же табуированию.

На всем протяжении истории брак подразумевал перераспределение денег и собственности между семьями и отдельными людьми. Эти передачи активов из рук в руки можно грубо разделить на три категории.

1. «Выкуп за невесту» – деньги, выплачиваемые женихом отцу будущей супруги в качестве компенсации за то, что тот уступает ему власть над своей дочерью.

2. Приданое – деньги или собственность, которые

дает жениху семья невесты, иногда это ее доля семейного наследства.

3. Одаривание невесты женихом или его семьей, включая выплаты, которые доступны ей сразу, а также ее вдовья доля – часть владений жениха, выделяемая супруге в качестве обеспечения на случай вдовства.

Условия, на которых происходила эта передача имущества, менялись, выкуп за невесту иногда получала сама девушка, а не ее отец; приданое невесты и вдовья доля приобретали различную значимость относительно друг друга. Смещение доли этих «брачных ассигнований» в ту или иную сторону остается одним из не до конца разъясненных элементов в истории брачных отношений¹⁹.

Хотя обеспокоенность экономической составляющей, свойственная сторонам при заключении брачного союза в прежние времена, ныне представляется неуместным проявлением корысти, для семей, которые в обеспечении своего существования полностью зависели от земли, такие тревоги были неизбежны и всегда выходили на первый план. Современное индустриальное общество предоставляет молодым людям, помышляющим о браке, массу возможностей, но традиционное, привязанное к земле, таких вариантов не давало. Его основой всегда являлись наследование земли и вклады семей в брачный союз.

Правила развода тоже со временем менялись. Прекращение супружества могло происходить по инициативе только

мужа, мужа или жены, их обоих, по условиям, установленным Церковью или государством, кроме того, брак могли считать нерасторжимым буквально ни в коем случае.

7. Отношения внутри семьи. Власть, возрастные роли, чувства, или привязанность, и сексуальность. Равноправная семья, где муж и жена обладают одинаковым авторитетом и демократия до некоторой степени распространяется на детей, – это современное изобретение. В прошлом отцы пользовались непререкаемой властью, иногда даже над жизнью и смертью. Богатые семьи в целом тяготели к большему авторитаризму, бедные, где жены тоже вносили заметный экономический вклад в общее благополучие, отличались этим в меньшей степени. Разница в возрасте между супругами также имела значение: мужья, которые были на несколько лет старше жен, имели и более весомый авторитет в семье.

Оценка качества эмоциональных отношений внутри семьи на протяжении исторического периода, как и оценка ее размера и структуры, вызывала разногласия среди историков и социологов. Когда Филипп Арьес сделал свое вызывающее заявление, что «в средневековом обществе детства не существовало», он сразу оговорился: «Это не означает, что детьми пренебрегали, отказывались от них или гнушались ими». Тем не менее, опираясь на ограниченные сведения о ситуации в XVII столетии, Арьес упорствовал в своем мнении, что высокий уровень детской смертности являлся препятствием для формирования сильной родительской любви:

«Люди не могли позволить себе слишком привязываться к тому, что расценивалось как вероятная утрата»²⁰.

Эдвард Шортер вывел из нарисованной Арьесом негативной картины средневекового детства прямое утверждение, что «для традиционного общества характерно безразличие матерей к детям». Радикальное мнение Шортера таково: «Хорошая мать – это изобретение модернизации», а в нижних слоях общества родительский «образец безразличия» просуществовал до XIX века²¹.

Мысль, что в прошлом с детьми систематически плохо обращались, получила еще более мрачное выражение у психолога Ллойда Демоса в предисловии к отредактированному им сборнику статей «История детства» (1976): «История детства – это ночной кошмар, от которого мы только недавно начали пробуждаться. Чем дальше в прошлое мы углубляемся, тем ниже там уровень заботы о детях, тем больше вероятность, что детей убивают, бросают, бьют, страшат и сексуально домогаются»²². Если Демос прав, удивительно, что человеческий род вообще выжил.

Делая обзор появившегося в недавнее время потока литературы о детстве, большая часть которой вторит мрачным взглядам Демоса, историк Линда Поллок обнаружила интересный нюанс. Каждый автор отмечал, что к концу (обычно продолжительного) периода времени, который он изучал, ситуация стала меняться к лучшему. Одни исследовате-

ли обнаруживали, что положительные сдвиги проявляются в XVII столетии, другие находили их в XVIII, XIX и даже XX. Затем Поллок сделала еще одно, более впечатляющее открытие: всякий раз, когда исследователь ограничивал себя неким кратким периодом времени и пользовался первичными источниками, выявленное им отношение к детям разительно отличалось от обрисованного Демосом, – детей ценили и с ними обращались хорошо²³.

Отказ семьям прошлого в наличии добросердечия был распространен не только на отношения родителей с детьми. Эдвард Шортер и Лоуренс Стоун поставили под сомнение существование привязанности и любви между мужем и женой до начала индустриальной эпохи. Эта гипотеза тоже подверглась критике со стороны других ученых, однако сохранила популярность у части ненаучной публики.

Изучение эмоций людей прошлого – сложная и комплексная задача, это очевидно. Американские специалисты по истории общества Питер и Кэрол Стернс в статье, опубликованной в *American Historical Review* (1985), предложили выделить особую дисциплину – «эмоционалогию», или «чувствоведение», отмечая, что, с одной стороны, мы не можем «...заключать без доказательств... что люди прошлого разделяли наш эмоциональный опыт», но с другой – «любовь в досовременном обществе, вероятно, не так уж сильно отличалась, как подсказывают нынешнему исследователю [существовавшие тогда] словарь, способы воспитания детей и

приемы ухаживания... Или же, возможно, любовь была более рассредоточенной... но не менее реальной...» Развернувшаяся несколько десятилетий назад дискуссия историков об «ориентированности на прошлое» в сравнении с «фокусировкой на настоящем» приобретает новую актуальность по мере того, как исследователи конца XX века пытаются проникнуть в эмоциональную жизнь аристократов, крестьян и ремесленников далеких эпох²⁴.

Сексуальность – важная составляющая семейной жизни во все времена – не менее трудно поддается раскрытию и анализу, чем родительская привязанность, несмотря на наличие разрозненных данных о всевозможных факторах: возрасте вступления в брак; обычаях, связанных с ухаживанием; средствах контрацепции и отношении к мастурбации, проституции и сексу вне супружеских уз. Такие мыслители XIX века, как Фрейд и Энгельс, полагали, что период со Средневековья до современного им периода был отмечен все более возрастающим подавлением сексуальности. Эдвард Шортер, со своей стороны, утверждает, что в конце XVIII века произошла сексуальная революция²⁵. Жан-Луи Фландрен проследил историю вопроса более комплексно: отложенный брак для молодых людей в XVI веке создал напряжение, которое вылилось в расцвет проституции и волну изнасилований в городах, а в сельской местности вызвал легализацию добрых сексуальных игр; закрытие этих отдушин в XVII веке, по мнению Фландрена, привело к «интернализации»

сексуальных чувств²⁶.

8. *Контроль за размером семьи*. В современном мире это стало весьма распространенным и приемлемым императивом. В прошлом скудость экономических ресурсов часто делала ограничение рождаемости необходимым для простонародья, а перед богатыми иногда такой вопрос вставал в связи с проблемами наследования. В минувшие столетия широко применялись аборты, детоубийство в некоторых обществах не считалось преступлением, а встречалось оно в большинстве. Существовали различные приемы и средства контрацепции. Наконец, порой приходилось в добровольном или принудительном порядке воздерживаться от половой жизни.

9. *Отношение к старению и смерти*. Реакция семьи на то, что происходит с ее членом в конце жизненного цикла, отличалась в разные века и в разных культурах. Где-то в обществе верховодили молодые, где-то власть и уважение были связаны с достижением солидного возраста. К старческим немощам тоже относились по-разному. Взгляды на смерть менялись радикально: от описанного Филиппом Арьесом в небольшой книжке «Отношение к смерти на Западе» представления традиционного общества о «прирученной смерти», когда кончину человека предвидели и открыто готовились к ней, до современной «запретной смерти», о которой нельзя упоминать²⁷.

10. *Материальная среда*. В этом смысле семья прошла через исторические изменения: архитектура зданий оказыва-

ла влияние на уровень уединенности и комфорта, положение семьи в местном сообществе и отношения с другими семьями. Дома постепенно перестали быть единым пространством, где вместе жили, ели и спали все домашние. В жилищах появились отдельные помещения для родителей, детей, слуг и животных. В домах богачей и бедняков, в городах и деревнях люди стремились совместить под одной крышей рабочую и жилую зоны. На взаимоотношения членов семьи воздействовало появление новых предметов обстановки, отопительных устройств и приспособлений для освещения: кровати, обеденного стола и другой мебели, камина (важного средневекового изобретения), окон, свечей и масляных ламп.

Вполне естественно, что исследования, посвященные истории семьи, главным образом сосредотачиваются на ранне-современном периоде и современности, причина тому – богатство доступных источников: писем, дневников и мемуаров, биографий, литературных произведений, проповедей и нравоучительных сочинений, артефактов, жилой архитектуры, законодательных актов, судебных дел и данных переписей населения.

По контрасту с этим изобилием источники сведений о Средних веках более скудны и гораздо труднее для понимания. По раннему Средневековью они сводятся к нескольким хроникам, отрывочной агиографии, разрозненным юридическим и налоговым документам, археологическим па-

мятникам, церковной скульптуре и надгробным надписям. Средневековое искусство является по преимуществу религиозным и символическим – от стилизованной экспрессивной скульптуры романского периода до более репрезентативного искусства готики. После 1000 года количество письменных свидетельств, включая хроники, медленно увеличивается. Для позднего Средневековья, особенно в Италии, становится доступной большая часть современных источников, хотя и в ограниченных количествах. И только одного мы не находим почти до самого конца Средних веков – портрета. Филипп Арьес придавал значение отсутствию средневекового детского портрета; на самом деле в тот период не существовало вообще ничьих портретов, за исключением выполненных в условной манере фигур на гробницах. Первые изображения королей и вельмож начинают появляться в XV столетии, а семейный портрет – только в XVII.

С помощью недавних научных исследований доступных источников в этой книге делается попытка показать основные пути развития брака и семьи на протяжении тысячи лет Средневековья (от 500 до 1500 г.) в среде аристократии, людей среднего класса, крестьян и ремесленников. Начав с двойного наследия романского и германского миров, а также влияния раннего христианства, мы проследим за изменением семьи в течение первых пяти столетий Средневековья, до самой катастрофы «черной смерти», и завершим свои наблюдения в XV веке, на заре современной эпохи. Попутно

мы отметим перемены в самой концепции семьи, ее роли в обществе, а также в устройстве домохозяйства и его отношений с другими группами родственников, в том воздействии, которое оказывала на семью церковная идея брака, преобразования в семейной иерархической структуре, распределении внутри ее собственности и в материальной среде. Одновременно мы исследуем внутрисемейную атмосферу в области чувств и отношение к сексу.

То, с чем вы познакомитесь ниже, является выжимками из самой достоверной и наиболее полезной информации о браке и семье, которую собрали средневековые ученые, занимавшиеся проблемами брака, и ее интерпретацией. Главное наше намерение, насколько это возможно, позволить людям Средневековья говорить самим за себя через оставленные ими документальные свидетельства.

Глава II. Истоки: римляне, германцы, христиане

Современная семья – исторический продукт европейского Средневековья, но начало она берет в более раннем периоде. Римская империя на закате своего существования стала свидетельницей постепенного слияния римской цивилизации с обществом германцев, или варваров, одновременно на этот процесс начал оказывать влияние и дополнительный фактор – христианская религия. Вклад других культур и религий в становление европейской семьи почти целиком был передан через три упомянутые. Вследствие их взаимодействия появились ранняя средневековая семья и институт брака, из которого она произошла, обладая определенными признаками в праве и обычае, а также общепризнанным набором ролей ее членов.

Основную канву этой важной, ранней главы в истории семьи можно различить, бросив беглый взгляд в прошлое – на три вышеупомянутых элемента, которые сталкивались и перемешивались в течение столетий, предшествовавших Средневековью. Начавшееся как аграрная республика (после свержения античной монархии), Римское государство путем завоеваний распространилось сначала на Апеннинский полуостров, а впоследствии – на все Средиземноморье. Ко времени прихода Христа оно превратилось в многонациональ-

ную военную империю с основанной на рабском труде экономикой, сложившейся утонченной городской культурой, процветающей торговлей с весьма отдаленными государствами, а также с развитыми технологиями в сфере гражданского строительства. Впечатляющие политические предприятия римлян сопровождались накоплением богатств высшим классом, но едва ли приносили какие-то изменения в повседневную жизнь массы простого населения. Завоевания предоставляли необходимые средства для знаменитой раздачи зерна, которая поддерживала существование и пополняла ряды не занятых никаким трудом или службой городских пролетариев¹, но мало затрагивала селян. Земледелие с помощью ручных орудий, выращивание низкоурожайных зерновых и немногочисленный скот составляли основу работы и жизни. Сады и виноградники дополняли посевные культуры, среди которых основной оставалась пшеница.

Классическая эпоха, которую принято считать собственно «римской», в сфере литературы, в искусстве и обычаях, пришлась на век Августа и «принципата» в политике, переходный период между Республикой и Империей. Так совпало, что это было и время рождения Христа, начало новой эры, согласно западной системе летоисчисления. Это был также период исключительно важных реформ в рим-

¹ *Пролетариш* в Древнем Риме – низший класс общества; люди, которые не имели ничего, кроме потомства, не платили налоги и не служили в армии, а приносили пользу обществу лишь тем, что производили на свет детей. – *Здесь и далее примеч. перев., если не указано иное.*

ском праве и управлении, включая введение законов, которые оказали глубокое воздействие на европейскую семью.

Более чем через две сотни лет после Августа (а он правил с 27 г. до н. э. по 14 г. н. э.) началось Великое переселение народов, которое во время длительного периода постепенного упадка Империи привело в Западную и Южную Европу германские народы. Несмотря на смятение, царившее в этих краях в период нашествия варваров (хотя не все проблемы были вызваны им), большинство германцев осели в Галлии, Италии и Испании, мирно сосуществуя с местными жителями и постепенно вливаясь в новое социальное, культурное и политическое окружение.

Помимо скудных археологических свидетельств, наши основные источники информации о варварах относятся ко времени до и после Великого переселения. В более ранний период двое римлян – Юлий Цезарь (ок. 100 – 44 г. до н. э.) и Тацит (ок. 56 – ок. 120 г. н. э.) оставили описания, основанные на собственных наблюдениях; содержащиеся в труде Тацита кодексы законов франков, бургундов, ломбардов и других народов рисуют картину общества земледельцев-воинов, сходную с ранним Римом.

Одновременно с Великим переселением происходило возвышение Христианской церкви от безвестной, преследуемой секты отщепенцев до государственной религии Римской империи. У варваров христианство пользовалось исключительным успехом. Римские пролетарии постепенно переходили

дили в новую веру, элита делала это медленно и неохотно, а вот пришлые германцы принимали христианство с наивным энтузиазмом, несмотря на то что некоторые его доктрины предвещали серьезный конфликт как с варварским обычаем, так и с римским правом.

Римская семья

Как и греки, римляне дали название не объединению, состоящему из родителей и детей, а более крупной группе, существовавшей в рамках домохозяйства (лат. *familia*, гр. – *oikos*). Бедная семья могла состоять из родителей, детей и других родственников, таких как вдова брата или бабушка. Домохозяйство среднего достатка могло также включать в себя троих или четверых слуг, свободных или рабов. В богатом доме насчитывалось множество людей, в основном рабов; в очень богатом – сотни. Во времена Республики преобладали мелкие земледельческие хозяйства, система намеренно поощряла их появление, награждая покидающих службу воинов землей, на которой те обычно и селились вместе с женами и детьми. В эпоху Империи постепенно увеличивалось количество крупных хозяйств, или латифундий, росли их размеры.

Изначально римская *familia*, как и ее аналоги в других цивилизациях, была фундаментальной экономической, социальной, правовой, воспитательной и религиозной единицей

общества. Экономическая роль выходила на первый план, поскольку функция семьи как главного производящего объединения являлась основанием для всех прочих ее ролей, естественным образом вытекавших из первой. Собственностью владела семья в целом. Отдельные ее члены, связанные кровными узами или нет, свободные или рабы, могли назвать своим весьма немного и имели мало прав как отдельные личности. За преступления наказывали внутри семьи или урегулировали распрю соглашением между семьями, публичное правосудие вмешивалось в такие дела редко, только когда под угрозой оказывались безопасность государства или общественный порядок¹.

Религиозное поклонение настолько сосредоточивалось на доме и очаге, что один современный писатель охарактеризовал религию древних римлян как «едва ли выходящую за пределы спиритуализации семейной жизни»². «Высшие боги» Олимпийского пантеона являлись скорее символами, чем объектами поклонения. Римские храмы занимались по большей части тем, что по просьбам людей испрашивали для них у богов особые милости. При этом в каждом доме имелся свой жертвенник, священный огонь в котором непрерывно поддерживали набожные женщины. У него собирались все члены домохозяйства, чтобы поклониться ларам или пена-там, миниатюрному пантеону из связанных с предками фигурок, которые изображали «человеческие души, обожеств-

ленные смертью»³. В древности статуи ларов использовали в качестве вех, которыми отмечали границы между принадлежавшими семьям участками, позже на перекрестках дорог стали возводить их святилища, совсем в духе придорожных крестов на трех ступенях, которые позднее появились в Европе. Когда Сенат обожествил Августа, этот апофеоз символизировало добавление изображения императора к ларам на домашних алтарях римлян.

Хотя *familia* и обладала высочайшей важностью, она была не единственным родственным объединением. Предки, так заметно выделявшиеся в религиозной обрядности, покровительствовали не только домохозяйству, или семье, но и клану, или роду – *gens*, крупной группе родственников, состоящей из всех потомков предка-основателя, реального или мифического⁴. На этом основывалась характерная для Древнего Рима система именования. Гай Юлий Цезарь принадлежал к роду Юлиев, его отца звали Цезарь, а его личным именем (*praenomen*) было Гай. Женщины в качестве личного имени носили имя рода: так, сестру Цезаря звали Юлия, а младшую сестру называли бы Юлия Минор (меньшая, малая)⁵.

Принадлежавшие к роду семьи делились на два класса: патрициев, или истинных членов рода, и клиентов, из которых формировался особый, невысокий по статусу слой общества⁶. По структуре каждая римская семья была автокра-

тической. Глава семьи, будь то отец, дед, дядя или работодатель, носил титул *paterfamilias* и по отношению к другим членам группы занимал положение абсолютного монарха. Слово *pater*, как и *mater*, на самом деле не имело отношения к биологическому родству, а просто обозначало человека, который распоряжается всем, стоя во главе домохозяйства. Его власть – *patria potestas* – простиралась и на решения, касавшиеся вопросов жизни и смерти. Новый член домохозяйства, будь то младенец, невестка, слуга или раб, должен был получить официальное признание от *paterfamilias*⁷. Новорожденного клали перед головой дома; если тот брал его на руки, ребенка принимали в семью и давали ему имя; если нет, «выставляли», то есть бросали на произвол судьбы, с вероятностью, что кто-нибудь его спасет. В обществе, которое по жизнеобеспечению никогда не уходило далеко от критически низкого уровня, появление нового рта, который придется кормить, могло представлять угрозу для выживания семьи. Сам Ромул, легендарный основатель Рима, был брошен родней вместе с братом-близнецом Ремом и спасен волчицей.

Paterfamilias также возглавлял религиозные обряды, вершил правосудие и руководил проводимыми семьей работами. После его смерти принадлежавшую *familia* землю делили, равные доли отходили каждому взрослому мужчине, что закладывало основу для создания нового домохозяйства. Эта система долевого наследования стала возможной благо-

даря двум факторам: доступности земли и высокому уровню смертности, отчего число наследников было невелико. Новые семьи, возникшие из старой, оставались членами одного рода⁸.

На протяжении раннего периода Республики *paterfamilias* пользовался непререкаемым авторитетом, но с течением времени постепенно возраставшая власть Римского государства начала вторгаться в его полномочия. Значимая перемена в семейных отношениях произошла в связи с войнами, составлявшими примечательную особенность в истории страны. Солдатская военная добыча всегда считалась законной собственностью его *familia*, находившейся под контролем *paterfamilias*, однако, по мере того как завоевания римлян ширились и трофеи становились все более богатыми, досада неизбежно росла, пока не вмешалось правительство. Впредь покидавшим службу воинам дозволялось оставлять награбленное добро себе и использовать его для обустройства собственного дома. Так личное право на собственность впервые получило признание в противовес правам семьи или клана⁹.

Кроме того, войны фактически принесли освобождение (до известной степени) римским женщинам, которые вышли из-под бдительного надзора отсутствующих родственников-мужчин и взяли на себя мужские обязанности, такие как управление поместьями или земледельческими хозяйствами. Ко времени Августа греческие наблюдатели уже с изумлением отмечали, какой большой свободой пользуются

родовитые римские матроны: если афинянки вели жизнь в уединении, пока их мужья проводили время в кругу приятелей, римлянки вместе со своими супругами участвовали в пирах, совершая таким образом небольшую, но заслуживающую внимания революцию, в результате которой впервые в истории возникало изысканное смешанное общество¹⁰.

Принадлежавшие к высшему классу римляне обзаводились все более просторными жилищами, и это вносило в социальную жизнь еще один новый и до той поры редкий элемент – возможность уединения и до некоторой степени обособленного существования. Богатые римляне строили для себя каменные виллы, часто и в городе, и за городом. Цицерон (106–43 гг. до н. э.), как говорили, владел восемью виллами, помимо небольших домов, которые стояли у главных дорог для его удобства во время путешествий. В среде простонародья перемены были менее заметны. В деревнях родители, дети, родственники, слуги и рабы теснились в домах, которые варьировались от лачуг, где люди жили вместе с животными, до деревянного дома с надворными постройками. В городе жилища семей ремесленников и мелких лавочников были совмещены с мастерскими – пекарней, рыбной лавкой, сыромятней, где трудились все члены семьи¹¹.

При взгляде назад из современности отличительной чертой римского бракосочетания представляется его частный, семейный характер. Во времена Августа почти все брачные церемонии проходили без посредничества жрецов, и ни в какой момент к этому процессу не были причастны официальные лица государства. Тем не менее римский брак имел весьма важное религиозное и правовое значение. Главная составляющая брака в ранний римский период – выкуп за невесту (*coemptio*) к историческим временам сократился до символической платы. Одновременно в обиход вошло приданое (*dos*) – плата в противоположном направлении, вклад со стороны семьи невесты, что, вероятно, подразумевало перемену на брачном рынке с преимущественного спроса на невест в пользу спроса на женихов. Приданое отличается от выкупа за невесту и в другом смысле: если выкуп за девушку получала ее семья или родня, то приданое попадало в руки к жениху для поддержки нового брачного союза¹².

Уплата выкупа за невесту означала переход власти над нею по закону от отца или опекуна к мужу. Женщину не признавали правоспособным лицом, и она находилась под властью (*manus* – букв. «рука») мужчины – отца, брата, опекуна или мужа. Несмотря на зависимое положение невесты, римский брачный обычай ушел далеко вперед по сравнению

со многими другими, существовавшими в то время, так как требовал для обеспечения законности брака согласия обоих главных действующих лиц. Правило это нашло выражение в правовой формуле: «*Nuptias con sensus non concubitus facit*» – «Брак составляет согласие, а не половые сношения». А в III веке нашей эры появилась новая форма семейного союза, которая ознаменовала решительное изменение, произошедшее в брачной сфере в пользу женщин. Она получила известность как *sine manu* («без передачи власти») и допускала, что невеста останется членом *familia* своего отца, несмотря на переезд в дом мужа. При этом женщина сохраняла права наследования как дочь, что обеспечивало ей значительный уровень независимости от мужа. Супруг в браке *sine manu* получал только приданое невесты, и то на определенных условиях. Во времена Империи брак *sine manu* стал преобладающей формой. К эпохе Адриана (правил в 117–138 гг. н. э.), как свидетельствует историк той поры, отец «даже не думал принуждать дочь к замужеству или перечить ее выбору»¹³.

В браках богатых римлян, для того чтобы молодая пара могла вынести «бремя супружества», считалось необходимым выделить ей определенную долю приносящей доход собственности. При Республике и в ранние годы Империи приданое невесты оставалось самым важным инструментом передачи собственности между поколениями, однако в период расцвета Империи маятник качнулся в другую сторо-

ну. Возник обычай, по которому семья жениха делала существенный свадебный подарок (*donatio*) невесте, и к III веку н. э. он превзошел по распространенности приданое. В середине V века *donatio*, обещанный и переданный еще до свадебной церемонии, возрос до таких размеров, что для многих молодых людей стал препятствием к браку, в результате они вынужденно откладывали планы супружества, тогда как молодые женщины (и их семьи) были нацелены на то, чтобы заключить брак как можно раньше¹⁴.

Большинство форм межклассовых браков были запрещены или затруднены – на их пути стояли препятствия правового характера и общественное неодобрение. Даже в тех случаях, когда подобные браки – *matrimonium non justum* – разрешались, неравный союз заключал в себе еще и тот недостаток, что детям присваивали статус низшего по социальному положению родителя¹⁵. Тем не менее межклассовые браки упорно сохранялись, о чем можно судить по неоднократно принимавшимся постановлениям. Браки между рабами не признавались по закону, что не мешало им жениться и относиться к таким союзам вполне серьезно.

Еще более строгим, чем запрет на межклассовые браки, являлось предписание против инцеста, или брака «внутри». В раннем Риме было запрещено супружество между троюродными братьями и сестрами, но со временем это требование смягчилось, и вступать в брак позволили даже двоюродным. Когда император Клавдий (41–54 гг. н. э.) выбрал

своей четвертой женой племянницу Агриппину, общество было шокировано, однако Сенат послушно пересмотрел законное определение инцеста, и (согласно Светонию) после этого были зафиксированы по крайней мере еще два брака между дядями и племянницами¹⁶. Это был исключительный случай, который, вскрыв гибкую природу правил экзогамии, стал предвестником многих средневековых противоречий.

К помолвке и свадьбе должностные лица государства не привлекались, тем не менее это были вполне публичные события, так как церемония проходила открыто, у всех на виду. Для общества в целом было важно получить информацию. Помимо обмена дарами (*dos* и *donatio*), помолвка включала в себя принесение обетов. Жених спрашивал у отца невесты: «Ты обещаешь, что отдашь мне в жены свою дочь?» Тот отвечал: «Да благословят нас боги! Я отдаю ее тебе». Обрученные целовались, и молодой человек надевал на безымянный палец левой руки невесты железное кольцо¹⁷. Убеждение римлян в том, что через этот палец проходит кровеносный сосуд прямо к сердцу, транслировал в Средние века Макробий (ок. 400 г. н. э.), а средневековые молодожены передали традицию в Новое время. Свадебную церемонию проводили через несколько дней, она также сопровождалась символическими атрибутами и действиями, сохранившимися на долгие века: белое свадебное платье и фата невесты, лучший человек (*auspex* – авгур, жрец-прорицатель), который произносил правовую формулу, дождь не из риса, а из

грецких орехов, которым осыпали молодых гости, свадебный пир и перенос невесты через порог покоя новобрачных¹⁸.

Достигнув стадии *sine manu*, брак римлян мало изменился с течением столетий. Не так обстояло дело с его расторжением, которое претерпело значительную модификацию при Августе, причем модификация эта не во всем совпала с намерениями правительства.

Прекращение брака всегда было возможным и даже довольно простым делом для римских мужей. Это законное выражение подчиненного статуса женщин являлось логическим следствием старого брака по типу *cum manu* («с передачей власти»). В таком супружеском союзе муж, желавший избавиться от жены, созывал на совет свою семью, к которой жена не принадлежала, и высказывал причины, побудившие его к таким действиям, среди них одобряемыми обычаем были супружеская измена, приготовление яда, пьянство и подделка домашних ключей. Тем не менее, хотя право мужа отказаться от супруги было заложено в самой его законной власти над нею, одобрение семьи, очевидно, являлось вовсе не простой формальностью, а развод при отсутствии убедительных причин общество резко порицало¹⁹.

Только со временем и по мере того, как в Рим после завоевательных войн стекалось все больше богатств, мужья из высшего класса постепенно получили право разводиться по собственной воле. Эту их прерогативу можно рассматривать

как замещение институтов полигамии и *конкубината* (внебрачного сожительства), обе практики были в ходу у представителей элиты того времени. В Риме конкубинат не противоречил законам, однако два правовых принципа лишали его значительной доли потенциальной ценности в глазах римлян: мужчина не мог одновременно иметь жену и сожительницу. Дети последней не могли стать законными наследниками. Таким образом, конкубинат не давал того, что обеспечивал легкий развод²⁰.

Однако не одни только римские мужчины пользовались преимуществами новой свободы. В то самое время, когда они начали практиковать развод по собственному желанию, римские женщины обрели почти такую же возможность через брак *sine manu*. Жена в таком супружестве оставалась членом семьи своего отца, а потому опекуны-мужчины могли вновь заявить на нее свои права (*abducere uxorem*), либо даже без их вмешательства она могла сама воспользоваться своим законным правом (*sui juris*) и вернуть себе свободу²¹.

В конце периода Республики жена могла получить развод даже в браке *cum manu* в случаях, если муж ее бросил, если его осудили за определенные преступления или он попал в плен во время войны. Прежде всего речь при разводе шла о собственности жены. Муж, отказывавшийся от своей супруги, произносил формулу: «*Tuas res tibi agito*» – «Забери назад свое». Жена, покидавшая мужа, говорила: «*Tuas res tibi*

habeto» – «Оставь свое себе»²². Таким образом, во времена Августа развод по взаимному согласию или по желанию любой из сторон являлся старым римским обычаем, по крайней мере среди высшего класса. Многократное вступление в брак было обычным делом для обоих полов. Сулла (138–78 гг. до н. э.) подал пример, взяв в качестве пятой супруги молодую разведенную женщину. Юлий Цезарь обогатил язык метафорой, когда отказался от Помпеи, потому что она, хоть и была неповинна в супружеской измене, не осталась «выше подозрений». Катон Утический (95–46 гг. до н. э.), известный своей добродетелью, развелся с супругой, а потом снова взял ее в жены, когда она унаследовала состояние, доставшееся ей от второго мужа. Цицерон развелся с матерью своих детей Теренцией, чтобы жениться на богатой семнадцатилетней подопечной, а сама Теренция дважды снова выходила замуж. Сенека (ок. 4 г. до н. э. – 65 г. н. э.) саркастично заметил, что богатые женщины вспоминают даты не по имени находящегося у власти консула, а по именам своего первого, второго и следующих мужей²³.

Сам Август был разведен, эта деталь не оказала влияния на введенное им законодательство в области домашней жизни, которое имело историческое значение. Помимо проблем морали, связанных с безосновательным разводом, Август усмотрел в нем угрозу государству: перепись населения вскрыла, что мужчины из сенаторского класса и *экви-ты* (всадники), составлявшие римскую аристократию, были

преимущественно холостяками. Август рекомендовал Сенату принять серию законов, которыми вводились штрафы для бездетных и неженатых за неимение наследников, срок помолвки ограничивался двумя годами, а от отцов требовалось выделять дочерям приданое. Материнство вознаграждалось: мать троих детей освобождали от мужской опеки.

Одно это, последнее установление было серьезным посягательством на святость жизни дома, где всем заправляли мужчины. В целом Августово законодательство завершило переход от древнего понимания семьи как единого и автономного мини-государства к ее приятию в качестве подчиненной общественной единицы, члены которой, каждый сам по себе, отвечали перед властью подымающейся новой силы в истории – крупного национального государства.

В связи с тем, что повторное вступление в брак разведенных супругов было весьма желательным, возникла необходимость формализовать процесс развода. Тогда появилось требование, чтобы расторжение брака подтвердили семь свидетелей²⁴. В высших классах было принято, чтобы инициатор развода отправлял к супругу с посланием вольноотпущенника. Ювенал (ок. 55 – 127 г. н. э.) изображает несчастную жену по имени Бибула: «Три морщины появятся на челе Бибулы», и слуга ее мужа явится к ней, чтобы «передать распоряжение: „Возьми свои вещи и уходи! Ты мне надоела“»²⁵. Однако жены точно так же могли разорвать союз. Марциалу (ок. 40 – 103 г. н. э.) принадлежит афористичное высказы-

ние: «Замуж идти столько раз – не брак, а блуд по закону»²⁶.

Как и во все времена, получавшие широкую известность брачные приключения знаменитостей не были правдивым отражением поведения общества в целом. Большинство римских пар не разводились, и верность в браке высоко ценилась. Популярной героиней была Турия, благородная женщина, которая спасла жизнь мужу во время гражданской войны Мария и Суллы, а после многих лет бездетности предложила уступить свое место более молодой жене, обещав быть для ее детей второй матерью. Супруг Турии с возмущением отказался, произнеся слова, отраженные в посвященной ей эпитафии: «Могла ли потребность в детях быть столь сильна?»²⁷ Многие другие памятные надписи подразумевают схожую супружескую верность: «Она была мне дороже жизни...»; «Из любви к ней я дал клятву никогда не жениться вновь...»; «Никогда не знал я от нее никаких бед, кроме ее смерти». Такие же чувства выражали и вдовы²⁸.

Несмотря на мнение супруга Турии, детей почти всегда и везде считали самыми важными плодами брака. В ранние времена культ поклонения предкам придавал деторождению мистическое значение, что, однако, не отменяло аборт, на которые общество взирало с осуждением, а имперское правительство тщетно пыталось запретить уже во II веке н. э.

² Еще более емко оно звучит на латыни: «Quae nubit totiens, non nubit; adultera lege est». – *Примеч. авторов.*

Первоначально избавление от нежелательных детей считалось преступным только в том случае, если происходило без разрешения *paterfamilias*. Широко практиковались различные методы предотвращения беременности, хотя эффективность их была невысока. Различные средства, которые вводили во влагалище, чтобы заблокировать проникновение внутрь семенной жидкости или нейтрализовать семя, появились задолго до римских времен, так же как и естественный метод контрацепции, основанный на периодах менструального цикла. Гиппократ, в клятве которого содержится открытое осуждение абортов, но не контрацепции, ошибочно полагал, что наилучший период для зачатия – это дни, которые следуют непосредственно за менструацией. Обилие откровенно шарлатанских снадобий и основанных на суевериях методов предотвращения беременности свидетельствует как об интересе к контрацепции, так и об отсутствии надежных ее способов²⁹.

За процессом родов следили повитухи, которых часто считали весьма искусными. В семьях высших классов за повитухами следовали кормилицы, по поводу выбора которых в трактате по гинекологии, написанном во II веке н. э., дается такой совет: «Кормилицу нужно выбирать... крепкого сложения, с крупной костью и хорошим цветом кожи. Груды у нее должны быть среднего размера, податливые, мягкие и неморщинистые, соски не слишком большие, но и не маленькие, не чересчур плотные, но и не сверх меры пористые...

Она должна быть сдержанной, отзывчивой, не капризной, гречанкой и к тому же чистой»³⁰.

Несмотря на такую заботу о том, чтобы дети рождались во множестве, инфантицид оставался приемлемой практикой, широко распространенной среди бедняков, но иногда встречавшейся и в более высоких слоях общества. Римское право также одобряло древний обычай продажи лишних детей, ограничив его (II в. до н. э.) совсем малолетними, которых родители не могли содержать. Во II и III столетиях нашей эры императоры еще больше урезали власть отцов, запретив продажу детей, за исключением случаев крайней бедности³¹. В 318 году Константин, действуя под гуманизирующим влиянием Христианской церкви, а также вследствие тревоги по поводу сокращения численности населения, отнес детоубийство к тяжким преступлениям.

Вопреки существованию инфантицида и продажи детей, латинская литература изобилует примерами родительской преданности своим чадам. «Дороги нам родители, дороги дети», – писал Цицерон, – поскольку природа внушает человеку «особенную любовь к потомству»³². Лукреций (98–53 гг. до н. э.) сокрушался о смерти, когда «ни твой радостный дом, ни жена дорогая / Больше не примут тебя, не сбегутся и милые дети / Наперерыв целовать и наполнить отрадою сердце»³³. Тибулл (ок. 54–19 г. до н. э.) описал ребенка, который хватает своего отца за уши, чтобы поцеловать его, и старо-

го деда, который всегда охотно беседует с лепечущим малышом³⁴. В типичном римском доме детей хорошо кормили и прилично одевали (в миниатюрные копии костюмов взрослых – туники, накидки, тоги и столы)³. В хозяйствах земледельцев детям волей-неволей приходилось браться за работу, как только они подрастали достаточно, чтобы приносить пользу. В семьях высшего и среднего классов детей систематически обучали, готовя к будущим (определяемым полом) ролям взрослых. Ко временам Августа образование для детей римлян высшего класса, особенно мальчиков, вышло за пределы дома, они ходили в школы на Форуме, где их готовили к государственной службе.

Римский обычай и общественное мнение всегда были более чем терпимы к сексуальной активности мужчин. На протяжении всей языческой истории Рима супружеская измена считалась преступлением только для женщин. Во времена Республики муж имел право убить жену-прелюбодейку, если ту застали с вольноотпущенником или рабом. Законодательство Августа предусматривало более гуманное и житейское наказание в виде штрафа, размер которого зависел от приданого женщины. Закон также касался поведения мужей. Немного позднее жене, если она оказывалась потерпевшей стороной, было дано право получить назад свое приданое,

³ *Стола* – длиннополая одежда матрон в Древнем Риме, символ законного брака.

но лишь через три столетия Константин признал супружескую измену равным по тяжести преступлением для обоих полов. Августа в действительности по большей части заботила честь мужей, и его закон был нацелен на то, чтобы принудить их к разводу. Сенсационным вторжением в традиционно закрытую частную жизнь людей стало появление целой армии платных осведомителей, которым поручалось предоставлять свидетельства против заблудших жен, изменяющих своим снисходительным мужьям³⁵.

Ни обычай, ни закон, ни сонм доносчиков не мешали женам заводить любовников, что подтверждается повторным введением сходных законов позднейшими императорами и обилием сатирической литературы. «Чиста лишь та, которой не ищут, – писал Овидий. – Подлинно тот простоват, кто измен не выносит подруги»³⁶. Ювенал живописует, как по-разному относятся женщины к морским путешествиям, когда совершают их с мужьями и с любовниками: «Если прикажет супруг на корабль взойти, тяжело ей: / Трюм противен, волнуя, в глазах все ужасно кружится. / Если с развратником едет, она здорова желудком, / Эту при муже рвет, а та, с моряками поевши, / Бродит себе по корме и охотно хватает канаты»³⁷.

Гомосексуальность, особенно мужская, очевидно, была широко распространена, по крайней мере в среде римских высших классов. Мальчики и девочки – рабы вынуждены бы-

ли удовлетворять прихоти своих хозяев (а иногда еще и их любовниц, которым, по законам Константина, за такой блуд грозила смертная казнь)³⁸.

Необычайно редко как в римской истории, так и в латинской литературе встречаются упоминания о незаконнорожденности – очевидно, вследствие того, что такое происхождение не считалось позорным. Вместо этого унижительные обвинения со стороны политических противников или личных врагов основывались на низком статусе родителей или предков. Загадкой остается и малое количество старых дев. Монастырей в качестве альтернативы браку еще не существовало, и о незамужних женщинах почти нет упоминаний ни в литературе, ни в законах.

Смерть приходила к римлянам без фанфар. Медицина не знала болеутоляющих средств, языческая религия не давала утешения. Умирили римляне дома, обычно в одиночестве, как сухо заметил Сенека: «Никто не сидит рядом с умирающим другом»³⁹.

Погребение проходило в частном порядке: смерть оставалась одним из редких событий жизни, которых не коснулось римское государство, вторгшееся в столь многие другие – брак, развод, сексуальное поведение – всегда в собственных, предполагаемых высших интересах, но с далеко идущим и весьма долгосрочным влиянием на семью и общество.

Варварская семья

Второй значимый источник, из которого произошла средневековая семья, – это варвары. Несмотря на появившийся впоследствии уничижительный оттенок значения, современные историки по-прежнему считают слово «варвар» и его производные удобными для обозначения германских новопоселенцев, которые в общем смысле отставали от римлян в цивилизационном строительстве, но с готовностью восприняли многие римские технологии и принесли некоторые умения и навыки.

Великое переселение народов, начавшееся приблизительно в середине III века н. э., совпало с наступлением в Западной Римской империи экономического упадка, сопровождавшегося возникновением различных социально-политических проблем, и косвенно повлияло на эти процессы. Однако знакомство римлян с германцами произошло намного раньше – во время вторжения кимбров и тевтонов в конце II века до н. э. Два эти воинственных племени проникли на север Италии и в Римскую Галлию (Прованс) и были изгнаны оттуда только после нескольких тяжелых военных кампаний. С тех пор «варвары» накрепко внедрились в сознание римлян. Цезарь включил в свои воспоминания описание германцев, которых видел во время двух кратких походов за Рейн (в 55 и 53 гг. до н. э.), а Тацит посвятил им

книгу «Германия» (98 г. до н. э.). Во времена Тацита варвары не представляли угрозы, но в глазах историка являли скорее пример простоты и добронравия, который, по его мнению, мог послужить целительным образцом для римской аристократии: «Ибо пороки там ни для кого не смешны, и развращать и быть развращаемым не называется у них – идти в ногу с веком»⁴⁰.

В течение следующего столетия германцы топтались на границах Римского мира, совершали набеги, торговали, время от времени грозили вторжением. Затем, вынужденные покинуть насиженные места каким-то катаклизмом, который до сих пор окутан покровом тайны, они двинулись на запад и на юг несколькими последовательными волнами, пик которых пришелся на V и VI столетия. Помимо давления извне – голода, засухи, гуннов, – германцев как магнитом влекло в Римскую империю, экономически и технически более развитый регион с его городами и виллами, виноградниками и складами, лавками, инструментами, монетами и украшениями, это была своего рода «золотая лихорадка» (по выражению одного современного историка)⁴¹. Колонны из тысяч или десятков тысяч готов, гепидов, алеманов и других народов с севера и востока, мужчин, женщин, детей и животных, просачивались или текли потоком сквозь римские пограничные кордоны, иногда мирно и с разрешения, иногда прорывались силой или пользовались моментом, когда легионы отсутствовали, пытаясь посадить своих военачальников

на императорский престол.

Сами легионы варваризировались из-за того, что в них во множестве вступали иноземцы; действительно, немало германцев дослужились до высоких постов. На более поздней стадии переселения в Галлию и Италию на правах *foederati*, или союзников, вступили несколько многочисленных племен – бургунды, остготы, вестготы, франки; по условиям соглашения семьи варваров селились на годных для обработки землях, так же как в прежние времена делали римские ветераны. Этот эпизод в процессе Великого переселения, очевидно, не вызвал серьезных трений между вновь прибывающими и старожилами⁴.

Наполовину солдаты удачи, наполовину мигранты, пастухи и земледельцы, которым недоставало лоска римского общества и виртуозности римских технологий, варвары представлялись историкам XIX века каким-то неизбывным бедствием, их появление возвестило начало «темных веков», из которых Западная Европа выходила к свету очень медленно. Современная наука благодаря археологии внесла в это видение коррективы. Хотя у варваров не было письменности, а потому не существовало ни историографии, ни литературы, и они не были математиками и организаторами, что поз-

⁴ Уолтер Гоффарт (*Goffart, Walter*. *Barbarians and Romans, A. D. 481–584: The Techniques of Accommodation*. Princeton, 1980) утверждает, что, вместо отчуждения земель у римских и галло-римских владельцев, многим германцам отписывали доходы от обычных налогов в провинциях, где они поселялись, взамен они охраняли границы от новых переселенцев. – *Примеч. авторов.*

волило бы им строить мосты, акведуки, дороги, храмы, арки, арены и общественные бани, которыми римляне усыпали средиземноморское побережье, переселенцы принесли с собой собственные достижения и новшества. К европейскому костюму они добавили штаны. Стальное оружие варваров не уступало лучшим римским образцам, если не превосходило их. Хотя германцы предпочитали сражаться в пешем строю, они были искусными наездниками и внесли по меньшей мере два улучшения в упряжь – седло и (позднее) стремя. Недавние археологические открытия свидетельствуют об экономических и культурных связях между германцами до переселения и кельтами Северной и Западной Европы⁴².

Общество варваров не так сильно отличалось от римского, как считалось раньше. Скорее, оно напоминало римское на более ранней стадии. У германцев, как и у римлян в эпоху ранней Республики, семья являлась основным объединением людей – экономическим, социальным, правовым и религиозным. Семьи составляли родственные группы, которые назывались у германцев *Sippe*. Структура этих общественных объединений, их особенности и функции были предметом жарких споров среди современных историков, которые выдвигали на этот счет всевозможные гипотезы. Одно время «дружина» – добровольный военный отряд, хранивший верность избранному вождю, – считалась синонимом *Sippe*, но теперь это кажется сомнительным. *Sippe* представляется

сплоченной группой, вероятно основанной каким-либо выдающимся человеком, которая существовала на протяжении нескольких поколений, после чего распадалась. До Великого переселения каждая *Sippe*, как полагают исследователи, занимала собственную территорию с признанными границами и обладала феодальными правами на земли входивших в объединение семей, между которыми распределяла участки, разрешала споры и исполняла некоторые иные надсемейные функции, такие как организация охоты или переезд в другую местность. По мнению Дэвида Херлихи («Средневековое домохозяйство»), *Sippe* германцев редко объединяла больше пятидесяти семей⁴³.

Цезарь, писавший в I веке до н. э., отмечал, что германцы обрабатывали землю сообща, хотя упоминал и о существовании у них обособленных домов с наделами. Тацит, полтора столетия спустя контактировавший с германцами в качестве провинциального чиновника, сообщал о наличии у них частного (отдельной семьи) владения пахотной землей наряду с общественной (очевидно, *Sippe*) собственностью на пастбища. К периоду Великого переселения семья германцев, как правило, выращивала пшеницу или ячмень, иногда лен, горох и бобы, а также имела несколько овец или коров. В своих новых домах на территории Римской империи переселенцы быстро восприняли более совершенные технологии римлян. В своде законов лангобардов, записанном в VI столетии, но во многом отражающем более раннюю ситуацию, упомина-

ются виноградники, изгороди, мельницы, пастбища, фруктовые и оливковые деревья, одомашненная птица, пчеловодство, свиньи и свинопасы⁴⁴.

Вдобавок к земледелию германцы занялись ремеслом и торговлей. Металлообработка, включая изготовление оружия, была мужским занятием, производство керамической посуды как на гончарном круге, так и вручную – преимущественно женским. Среди товаров, которые издавна импортировали в Римскую империю из германских земель, расположенных за ее пределами, были рабы, меха, кожи и янтарь. В период Переселения бродячие шайки часто сочетали грабеж с торговлей⁴⁵.

У варваров существовал эквивалент римской власти отца – *patria potestas*, иногда именуемой *mundium*: глава германского семейства обладал очень похожими правами, за одним важным исключением: сын по достижении совершеннолетия (срок которого отличался у разных народов) обретал независимость⁴⁶. Семейное единство рассматривалось как основа закона и порядка, тяжесть преступления соизмерялась с причиненным вредом, а семья и клан коллективно наказывали за личные обиды, причиненные своим членам. Пострадавший просил поддержки у семьи, а семья противника бралась защищать своего собрата или должным образом возмещала ущерб. Для содействия этому процессу германцы изобрели оригинальный правовой инструмент – *вергельд*, или «стои-

мость человека», то есть его ценность в соответствии с полом, возрастом и статусом. Размер компенсации за совершенное против кого-либо преступление был равен доле или числу, кратному вергельду жертвы. Так, за изнасилование в соответствии с «Бургундской правдой» взымали девятикратный вергельд. Тацит сообщал о компенсациях натурой – рогатым скотом, овцами или движимым имуществом, однако, когда варвары оказались в условиях денежной экономики Римской империи, «натуру» заменили золотые солиды и серебряные динарии⁴⁷.

При заключении брака у варваров семья и мужчины играли еще большую роль, чем у римлян. (Тацит с одобрением писал: «...ни одна сторона их нравов не заслуживает такой похвалы, как эта»⁴⁸.) О помолвке договаривались мужчины, родственники невесты, согласия которой не спрашивали. Невеста и жених, вероятно, были немного старше, чем в Риме. Помолвка состояла из обещания заключить брак и соглашения о его условиях. За ней следовал совместный пир обеих семей, в ходе которого происходила реальная уплата стороной жениха выкупа за невесту; согласно Тациту, завершался брачный обряд тем, что молодая одаривала вновь обретенного мужа оружием, но ясно, что большая часть дарений шла со стороны жениха. Значительную разницу между обычаем варваров и римлян составляло направление вложений: варвар платил за жену, римлянин вносил плату за дочь. Это косвенно указывает на недостаток женщин у герман-

цев, предположение подкрепляется широким распространением у них практики похищения девушек. Причины такого положения вещей ученые связывали с практикой де-тоубийства, обусловленного предпочтениями относительно пола младенца, а также с принятой в обществе полигамией и конкубинатом среди элиты, однако при отсутствии ясных свидетельств никакое объяснение нельзя назвать в достаточной степени убедительным⁴⁹.

Расторжение брака у варваров, как и в ранний период у римлян, было невозможным для жены и простым для мужа, который был обязан всего лишь возместить ущерб семье, куда вынужденно возвращалась отвергнутая жена⁵⁰. Если верить Тациту, супружеские измены среди германских женщин случались крайне редко, а наказывал за такой проступок муж прямо на месте: «обрезав изменнице волосы и раздев донага, муж в присутствии родственников выбрасывает ее из своего дома и, настегивая бичом, гонит по всей деревне». Опозоренная таким образом, жена уже не могла вернуться. «...И сколь бы красивой, молодой и богатой она ни была, ей больше не найти нового мужа»⁵¹. По закону муж имел право убить неверную жену и лишить жизни ее любовника либо потребовать от него компенсацию, согласно «Салической правде», размер такой компенсации составлял две сотни солидов. Закон лангобардов давал обвиняемому в прелюбодеянии право просить об испытании поединком, если

он не был рабом и его не застали на месте преступления⁵².

Двойственность стандартов еще более очевидна у германцев, чем у римлян. Тацит оправдывал многоженство среди знати необходимостью матримониальных союзов, но беспощадно порицал столь же распространенную практику конкубината. С другой стороны, обычная проституция у германцев встречалась гораздо реже, чем в Риме. В плане свободы нравов мужчины-германцы были, если можно так выразиться, менее демократичны, чем римляне.

Несмотря на подчиненный статус, женщин у варваров ценили, и не только ради удовлетворения потребностей плоти и продолжения рода. Они обладали особыми навыками, которые матери передавали своим дочерям: кроме изготовления керамики, умело пряли и ткали, что подтверждают обнаруженные археологами в торфяниках образцы одежды. Женщины также делали запасы продовольствия и готовили пищу, занимались знахарством, варили пиво, которое уже в то время было основным напитком германцев. Тексты законов открывают нам, чем еще были ценны женщины, – родословие обычно велось по женской линии, и причина этого вполне объяснима: происхождение от женщины определяется более точно, чем от мужчины⁵³.

Воспитание детей у германцев Тацит представляет в том же розовом свете, что и брак. «В любом доме растут они голые и грязные, а вырастают с таким телосложением и таким станом, которые приводят нас в изумление. Мать сама вы-

кармливает грудью рожденных ею детей, и их не отдают на попечение служанкам и кормилицам. Господа воспитываются в такой же простоте, как рабы, и долгие годы в этом отношении между ними нет никакого различия: они живут среди тех же домашних животных, на той же земле, пока возраст не отделит свободнорожденных, пока их доблесть не получит признания»⁵⁴

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.